

миѣнія, религіозенъ и представляетъ податливую почву для авторитетнаго религіозно-нравственнаго вліянія, но это вліяніе, вообще говоря, отсутствуетъ. Религіозность остается для громаднаго большинства внѣшнею, мало проникающею въ самую жизнь: отдать дочь въ «чернички» т. е. рѣшить впередъ всю ея судьбу, не спросяся ея самой, слить колоколъ въ церковь («Новый колоколъ»), сдѣлать въ церковь иное пожертвованіе («Яковъ Петровичъ Сыроѣдъ», «Барочникъ Каргузовъ»), завести у себя въ домѣ юродиваго («Вѣрное средство отъ разоренья») и т. п., полагается достаточнымъ средствомъ для религіознаго примиренія совѣсти, и затѣмъ совершившій эти добрыя дѣла считаетъ себя въ правѣ продолжать свои практическія безобразія—онъ откупился отъ грѣха и отъ голоса своей совѣсти. Чернички, юродивые остаются какой-то искупительной жертвой, не измѣняющей хода вещей. Левитовъ рисуетъ (въ «Сыроѣдѣ») привлекательную личность христіанскаго филантропа въ лицѣ сельскаго дьякона, но онъ остается рѣдкимъ исключеніемъ; обыкновенно нравственный бытъ деревни остается на произволѣ судьбы. Деревенская школа, управляемая причетниками — въ разсказахъ Левитова есть еще старая школа, та, въ которой, бывало, «мастеръ (такъ звали по селамъ учителей того времени) не только-что наказывалъ или билъ, а просто звѣрски тиранилъ своихъ учениковъ»¹⁾, и гдѣ, бывало, выучка доставалась парню цѣною «изуродованія»...

Наконецъ все это завершается цѣлымъ рядомъ разсказовъ, рисующихъ безотрадную картину народнаго пьянства. Оно сопровождаетъ насъ всюду: рѣдкій эпизодъ народнаго быта обходится здѣсь безъ кабацкихъ сценъ, иногда цѣлымъ «міромъ». Такъ выходило, конечно, по необходимости: вино играетъ такую обширную и фатальную роль въ жизни крестьянина и всего низшаго класса народа, что правдивый разсказчикъ и не могъ миновать этой черты. Безъ вина не обходится ни горе, ни радость, ни дѣло, ни бездѣлье; пьютъ не только мужчины, но и женщины; ласковый отецъ даетъ винца мальчишкѣ-сыну, мать, чтобы успокоить ребенка въ колыбели, даетъ ему хлебнуть водки. Дѣйствіе вина почти исключительно одуряющее; веселье кончается всего чаще дракой и даже убійствомъ; глава семейства пропиваетъ послѣднія деньги, свирѣпствуетъ дома, калѣчитъ дѣтей (см. тѣ же названные выше разсказы изъ московской жизни, также «Типы и сцены сельской ярмарки», «Цѣловальничиха»,

¹⁾ Т. I, стр. 591; ср. I, стр. 81 и др.